

УДК 343.126.1
DOI 10.52452/19931778_2024_1_131

ФАКТИЧЕСКОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ, МЕРА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ИЛИ...?

© 2024 г.

С.Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

s.rossinskiy@gmail.com

Поступила в редакцию 31.10.2023

Рассматривается сфера правового регулирования, охватывающая фактическое задержание подозреваемого как превентивный принудительный механизм, позволяющий обеспечить возможность дальнейшего уголовного преследования попавшего в зону внимания правоохранительных органов человека.

Обосновывается вывод, что фактическое задержание не предполагает ни уголовно-процессуальной, ни административно-правовой, ни какой бы то ни было еще отраслевой природы, а должно являться объектом автономного публично-правового регулирования и предусматриваться отдельным федеральным законом.

Ключевые слова: задержание подозреваемого; меры административного принуждения, меры уголовно-процессуального принуждения; подозреваемый; правоограничительный механизм; фактическое задержание.

Что такое фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления? Кажется бы, что любой хоть немного разбирающийся в злободневных вопросах уголовного судопроизводства человек: ученый-правовед, практикующий юрист, студент юридического вуза или даже просто любознательный дилетант, – не раздумывая, скажет, что под фактическим задержанием (захватом) надлежит понимать некую находящуюся в компетенции сотрудников правоохранительных ведомств принудительную меру, состоящую в оперативном ограничении права какого-либо индивида на свободу, осуществляемую в целях его доставления для последующего разбирательства в органы предварительного расследования и нередко сопряженную с применением физической силы, специальных средств, в первую очередь наручников, и тому подобных инструментов для подавления воли. И действительно, на первый взгляд, сущность и природа фактического задержания представляются настолько очевидными, что вообще не заслуживают особого научного внимания, а связанные с ними вопросы не предрасположены к доктринальным дискуссиям.

Вместе с тем глубоко погруженным в тонкости уголовно-процессуальной доктрины, нюансы законодательства и хитросплетения правоприменительной практики специалистам феномен фактического задержания подозреваемого видится далеко не таким простым и легковесным – он связан с целым рядом достаточно серьезных

проблем. Причем несмотря на изрядное количество публикаций, постоянное обсуждение этих проблем в ходе конференций, круглых столов и тому подобных научно-представительских мероприятий¹, многие из них по-прежнему остаются неразрешенными, продолжают побуждать к серьезным спорам и полемическим диспутам, а предопределенные ими лакуны и противоречия нормативного регулирования – вызывать трудности в повседневной практической деятельности сотрудников правоохранительных органов и адвокатов, ставить в достаточно уязвимое положение задерживаемых лиц.

В этой связи автором настоящей статьи неоднократно предпринимались попытки формирования некоторых доктринальных позиций, направленных на внесение посильной лепты в разрешение существующих проблем и устранение имеющихся в данном сегменте правового регулирования нормативных противоречий. Результаты указанных трудов нашли отражение в ряде научных публикаций, в том числе в представленной в 2019 г. на строгий суд читателей монографии «Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход». За прошедшее время интерес к этим вопросам лишь усилился – автор неоднократно возвращался к размышлениям о сущности и правовой природе фактического захвата подозреваемого, старался участвовать в их обсуждении с коллегами и учениками. В итоге некогда высказанные взгляды были сопоставлены с выводами, сделанными в

ходе прочих научных изысканий автора по проблемам досудебного производства, приведены в еще более стройную систему, а некоторые из них – частично пересмотрены и переосмыслены. Вследствие чего возникла потребность в обобщении всех имеющихся на сегодняшний день воззрений, в их приведении к «единому знаменателю». Решению такой научной задачи и посвящается настоящая статья.

А начать хотелось бы с очередной констатации выявленных и проанализированных автором особенностей развития национальной системы досудебного производства и органов досудебной уголовной юстиции, по крайней мере за последние сто лет. Как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора, к началу XXI в. ввиду множества факторов, исторических и социально-политических процессов, в России сложились уникальные, достаточно самобытные, отличающиеся от зарубежных, в первую очередь западноевропейских, аналогов подходы к «открытию» и дальнейшему расследованию уголовных дел, характеризующиеся весьма хаотичным смешением различных, порой практически несовместимых, идей, свойственных «французской», «немецкой», «англосаксонской» и «советской» моделям досудебного производства (расследования), что выразилось в переплетении, в некоей интеграции функций «полиции» и «юстиции», привело к наделению должностных лиц правоохранительных органов полицейского типа (некоторых иных органов власти квазиполицейского и даже параплицейского типов) юрисдикционной правосубъектностью, а именно способностью собирать и депонировать для предстоящего судебного заседания полноценные доказательства, давать юридическую оценку установленным обстоятельствам, издавать правоприменительные акты и т.д. Причем, как представляется, именно с этим и были связаны основные причины, повлиявшие на возникновение большинства извечных «досудебных» вопросов национальной уголовно-процессуальной доктрины, а также противоречий нормативного регулирования дознавательской, следственной, прокурорской, а иногда и судебной деятельности, приводящих к изрядным трудностям в правоприменительной практике [1, с. 43; 2, с. 64 и др.]. В частности, именно этим можно объяснить лакуны и противоречия, присущие теоретической основе и нормативному регулированию фактического задержания подозреваемого.

Итак, под фактическим захватом (задержанием) подозреваемого, как уже было указано выше, действительно надлежит понимать комплекс находящихся в ведении правоохрани-

тельных органов непроцессуальных мер, направленных не столько на юридическое, сколько на сугубо реальное ограничение свободы человека. К слову, этот принудительный механизм является родственным еще одному, близкому по природе и правовому предназначению «полицейскому» приему – настоятельному требованию проследовать к дознавателю, следователю или в суд как начальному этапу фактического привода, то есть контролируемого доставления определенных лиц, не желающих добровольно выполнять предписания о явке для участия в проведении запланированных процессуальных действий (ч. 7 ст. 113 УПК РФ).

Особо пристальное внимание и трепетное отношение законодателя к фактическому задержанию стало следствием возникшей в конце XX в. доктринальной моды на как бы импортированные из наиболее «демократических» право порядков, а по факту навязанные ныне недружественными государствами социальные ценности – известные либеральные воззрения, подразумевающие возведение прав и свобод отдельных индивидов, в первую очередь «вдоволь настрадавшихся от чекистского и милицейского произвола» подозреваемых и обвиняемых, на недостижимый пьедестал, а заботу о них отождествляющие чуть ли не с генеральной целью и основными задачами правоохранительной деятельности. Далеко не последнюю роль в этом сыграли достаточно сильно вросшие в российскую правовую материю положения печально известной Европейской конвенции 1950 г., а также «раскрывающие» их сакральный смысл акты Европейского суда по правам человека – настолько сильно, что несмотря на долгожданную дератификацию Конвенции в феврале 2023 г. и выход из юрисдикции европейского суда, в свое время хорошо усвоенные, буквально «вызубренные наизусть» правовые позиции (например, об отождествлении лишения свободы не с формальными, а с сущностными признаками, жестко не связанными соответствующими правоограничительными актами и т.п.) продолжают оказывать огромное влияние на вектор и содержание соответствующих научных исследований. Поэтому неудивительно, что некогда разработанный под контролем заокеанских «партнеров» Уголовно-процессуальный кодекс РФ во многом впитал указанные позиции. В частности, задержание подозреваемого было определено как мера принуждения, применяемая с момента фактического задержания (!); с этого же момента было предписано исчислять установленный Конституцией РФ 48-часовой срок внесудебного ограничения свободы личности. В связи с чем многие «специалисты»,

главным образом апологеты тех самых либеральных ценностей, сразу поспешили объявить фактический захват в качестве непреложного атрибута процессуальной формы задержания подозреваемого.

Однако если не заниматься откровенным самообманом, а смотреть на фактическое задержание подозреваемого более трезвым взглядом, стараясь досконально разобраться в сущности и предназначении этого правоограничительного приема, понять подлинные условия его использования, то без особого труда можно обнаружить целый ряд нормативных изъянов, шероховатостей и явных «белых пятен». А человеку, хотя бы немного знакомому с работой правоохранительных органов, в частности державшему в руках «живые» уголовные дела, связанные с задержанием подозреваемых, вообще должны быть хорошо известны практические трудности, вызванные некогда проявленным рвением разработчиков УПК РФ во что бы то ни стало жестко привязать правовые условия данной меры уголовно-процессуального принуждения к обстоятельствам прелиминарного фактического захвата человека и, к великому сожалению, нередко подлежащие преодолению не иначе как посредством неисполнения (ненадлежащего исполнения) существующих предписаний.

В этой связи многие известные авторы начали искать аргументы, позволяющие хоть как-то объяснить подобную правотворческую несуразность, стали предлагать различные доводы, хоть как-то способствующие признанию фактического захвата полноценной частью, некой нулевой фазой «следственной» процедуры задержания подозреваемого, то есть предусмотренной гл. 12 УПК РФ меры уголовно-процессуального принуждения [3, с. 53, 4, с. 57–58 и др.]. Правда, существуют и более осторожные позиции, предполагающие возможность вариативного понимания захвата: и как фрагмента «следственной» процедуры задержания подозреваемого, и как не связанного с ней приема работы правоохранительных органов [5, с. 230]. А некоторые ученые предлагают усилить процессуальную формализацию фактического задержания – прямо дополнить гл. 12 УПК РФ соответствующими правовыми нормами [6, с. 152; 7, с. 27 и др.] подобно тому, как это было сделано в Грузии, Узбекистане и ряде других постсоветских стран, намного опередивших «отсталую» Россию на пути к европейским ценностям.

Конечно, любые подобные взгляды имеют полное право на существование и заслуживают определенного внимания. Однако они представляются не вполне состоятельными – ввиду изначальной предопределенности неким «не-

оспоримым» постулатом о процессуальном характере фактического задержания заподозренного в совершении преступления лица.

Но так ли уж неоспорим данный постулат? Действительно ли фактический захват, будучи упомянутым в нормах УПК РФ, является частью «следственной» процедуры задержания подозреваемого как меры уголовно-процессуального принуждения, в том числе требует более четкой нормативной формализации?

Представляется, что нет! Оценки фактического задержания как подлинно процессуального приема, как предрасположенной к включению в предмет уголовно-процессуального регулирования формы реализации государственно-властных полномочий сильно преувеличены. На самом деле явно требуемый для подобного вывода нормативный посыл: «фактическое задержание – это уголовно-процессуальное действие, то есть фрагмент уголовно-процессуальной деятельности» – нельзя усмотреть ни в одном положении УПК РФ. В конце концов, как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, сущность уголовно-процессуальной формы никоим образом недопустимо ставить в зависимость от простого упоминания в тексте уголовно-процессуального закона какого-либо предмета, документа или юридического факта. Одновременно говорилось, что такой формой надлежит признавать лишь прямо установленный УПК РФ и обремененный комплексом юридических гарантий порядок (!) производства определённого процессуального действия, принятия процессуального решения и пр. [8, с. 75].

Сказанное становится еще более очевидным при сравнении положений российского законодательства с соответствующими положениями ныне действующего УПК Беларуси, разработчики которого зачем-то проявили в стремлении к формализации фактического захвата лица гораздо бóльшую правотворческую «расторопность». Задержание, говорится в ч. 1 ст. 107 белорусского Кодекса, сводится к фактическому задержанию лица, его доставлению в орган уголовного преследования и кратковременному содержанию под стражей в определенных законом местах и условиях. И в этой связи остается лишь порадоваться, что несмотря на сильное влияние зарубежных консультантов и прозападных сил, российскому законодателю все же удалось занять по указанным вопросам более взвешенную, «консервативную» позицию.

Кстати, по всей вероятности, такая правотворческая умеренность, в чем-то даже осторожность была проявлена благодаря традиционно существующей в национальной доктрине иной, прямо

противоположной точке зрения, предполагающей недопустимость понимания фактического захвата как процессуального действия, в частности его включения в предусмотренную уголовно-процессуальным законом «следственную» процедуру задержания подозреваемого [9, с. 298, 10, с. 24; 11, с. 106–107]. Подобные взгляды являются гораздо более справедливыми, хотя бы ввиду соответствия общим подходам к сущности и содержанию уголовно-процессуальных правоотношений.

Ведь фактическому задержанию не присущ важнейший признак любых уголовно-процессуальных правоотношений, состоящий в обязательном участии хотя бы одного из наделенных соответствующими государственно-властными полномочиями субъектов: дознавателя (органа дознания), следователя, прокурора либо суда. На данный признак обращается внимание во многих научных публикациях. В частности, об этом писали Н.Н. Полянский, В.Н. Шпилев, другие крупные ученые [12, с. 49; 13, с. 72]. Такого же мнения придерживался и самый авторитетный специалист в области теории уголовно-процессуальных правоотношений В.П. Божьев. В своей известной монографии он утверждал, что публичное начало уголовного судопроизводства приводит к неизбежности участия в каждом входящем в его содержание правоотношении наделенного соответствующей компетенцией носителя государственной власти: в судебных стадиях – суда, а в досудебных – представителя органа дознания, следователя либо прокурора [14, с. 153]. Тогда как фактические захваты заподозренных в совершении преступлений лиц проводятся совершенно другими должностными лицами – сотрудниками «силовых» ведомств (МВД России, ФСБ России, ФСИН России, Росгвардии и пр.). Все эти лица тоже наделены государственно-властными полномочиями – в противном случае они просто оказывались бы неспособными ограничивать свободу задерживаемых и принуждать их к перемещению в органы предварительного расследования. Однако такие полномочия не являются уголовно-процессуальными, а осуществляются в какой-то иной правовой сфере. Более того, порядок их реализации вовсе не лишен определенной правовой формы, не предполагает, по крайней мере не должен предполагать, абсолютной свободы и вседозволенности в использовании принудительных инструментов. Непосредственные правила фактического задержания, несмотря на явно «сырую», непригодную для надлежащего уяснения и единообразного применения нормативную регламентацию, тем не менее существуют – они, хотя и недостаточно четко, но все

же вытекают из смысла ряда законодательных и подзаконных актов, устанавливающих полномочия и условия работы каждого из правоохранительных органов в отдельности, то есть нормативных актов, традиционно относимых к сфере административно-правового регулирования, например Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции», Федерального закона от 3 апреля 1995 г. «О федеральной службе безопасности», Федерального закона от 3 июля 2016 г. «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» и т.д. Поэтому еще некоторые советские ученые-процессуалисты утверждали об административно-правовом характере фактического захвата подозреваемого, считали этот правоограничительный механизм типичной административной формой реализации государственно-властных полномочий [9, с. 298; 15, с. 17]; схожие оценки можно встретить и в более современных публикациях [11, с. 107–108; 16, с. 28].

Кстати, весьма примечательно, что аналогичные, по крайней мере близкие по смыслу позиции неоднократно высказывались и учеными-административистами, в первую очередь специалистами в области исполнительно-распорядительной деятельности органов внутренних дел, – справедливо обращалось внимание на недопустимость сведения всего административного права лишь к законодательству об административных деликтах. И в этой связи утверждалось, что, несмотря на использование для нужд уголовной юстиции, подобные полномочия правоохранительных органов полицейского типа все равно сохраняют свою административную сущность [17, с. 35; 18, с. 41 и др.].

В целом все подобные воззрения представляются совершенно верными и заслуживают безусловной поддержки, поскольку не связаны с признанием фактического задержания фрагментом урегулированной нормами УПК РФ уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Вместе с тем полностью согласиться со взглядами авторов, ратующих за включение такой правоограничительной меры в предмет административного права, тоже достаточно сложно. И тому есть серьезные причины.

Так, сама по себе сфера административно-правового регулирования вообще является несколько условной. Ведь современные доктринальные подходы к механизмам публичного администрирования предполагают их понимание как в узком («классическом» административно-правовом), так и в широком смыслах.

Причем широкое понимание данных механизмов позволяет причислять к таковым самые разнообразные формы и методы деятельности любых наделенных властными полномочиями участников государственного управления – наряду с «классическими» субъектами административно-правовых отношений, то есть органами исполнительной власти и должностными лицами, к ним обычно относят и органы законодательной (представительной) власти, и суды, и Центральный банк РФ, и Счетную палату РФ, и т.д. [19, с. 29–30, 20, с. 9]. К тому же построение и принципы работы всех этих органов зачастую сильно напоминают построение и принципы работы типичного министерства либо его структурного подразделения. В частности, именно подобным образом – как бы на основе «министерских» канонов – организована деятельность прокуратуры и Следственного комитета РФ, не говоря уже о прочих органах дознания и предварительного следствия, вообще являющихся структурными элементами органов внутренних дел, органов ФСБ России, органов и учреждений ФСИН России, других органов исполнительной власти полицейского, квазиполицейского и парapoлицейского типов.

К слову, такое построение органов предварительного расследования и прокуратуры полностью соответствует сформированным за последние сто лет и констатированным в начале настоящей статьи уникальным и самобытным подходам к национальной системе досудебного производства по уголовному делу, предполагающим переплетение функций «полиции» и «юстиции» с возложением юрисдикционных (судебно-следственных) полномочий на внесудебные органы исполнительной власти. Более того, как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора, в результате наблюдавшейся за долгие годы административизации следственной и прокурорской деятельности в соответствующих органах возникла бюрократическая аура, появились особый «министерский» климат, своеобразная чиновничья ментальность и прочие атрибуты аппаратной работы [2, с. 62; 21, с. 126].

В подобной парадигме досудебного производства любые присущие ему действия и решения в определенном смысле тоже попадают в сферу административно-правового регулирования. И в этой связи жесткое разграничение двух последовательно проводимых задержаний: фактического, осуществляемого «на месте», и дальнейшего «следственного» (формального), проводимого в порядке ст. 91–92 УПК РФ, – в зависимости от отраслевой принадлежности соответствующих правовых норм, по сути, становится просто бессмысленным.

Более того, такие научные позиции представляются весьма рискованными – они способны привести (и нередко, увы, приводят!) к ошибочным суждениям, предполагающим доктринальную и практическую путаницу, смешение воедино совершенно разных принудительных механизмов: фактического захвата подозреваемого в совершении преступления и осуществляемого в порядке ст. 27.3–27.6 КоАП РФ административного задержания как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении. К великому сожалению, в публикациях уголовно-процессуальной направленности на полном серьезе высказываются идеи об административном задержании как о прелиминарном этапе «следственного» задержания [22, с. 43], что в свою очередь побуждает к возникновению соответствующих прикладных технологий и их массовому использованию в правоприменительной практике. Кстати, по всей вероятности, в эту же «ловушку» попали и сами разработчики Уголовно-процессуального кодекса РФ, приравняв 3-часовой срок составления протокола задержания подозреваемого к сроку задержания по делу об административном правонарушении. По крайней мере, никакого доктринального обоснования данного срока просто не существует. Хотя какие-либо подмены фактических задержаний подозреваемых предусмотренными КоАП РФ принудительными мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях следует расценивать как грубейшие нарушения законодательства, на что неоднократно обращалось внимание в инструктивных документах Генеральной прокуратуры РФ, последний раз – в п. 1.7 Приказа Генерального прокурора РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

К тому же высказываемые в ряде публикаций идеи об административно-правовом характере фактического задержания подозреваемого не согласуются с возможностью использования данного правоограничительного приема в ходе проведения оперативно-розыскной и уголовно-исполнительной деятельности. А между тем подобные формы работы правоохранительных органов не только вполне допустимы, но и имеют повсеместное распространение. В оперативно-розыскной и пенитенциарной практике можно встретить множество случаев, связанных с фактическими задержаниями подозреваемых в ходе проведения проверочных закупок, контролируемых поставок, оперативных экспериментов, всевозможных режимных мероприятий, проводимых должностными лицами учреждений ФСИН России, и т.д.

По всей видимости, в рамках настоящей статьи нет никакой надобности в очередном (каком по счету!?) освещении различий между разными формами судопроизводства, между предварительным расследованием уголовного дела и первоначальным этапом производства по делу об административном правонарушении. Однако необходимо обратить внимание, что, несмотря на такие различия, и уголовно-процессуальное, и административное задержания – это достаточно близкие по предназначению и способам осуществления меры принудительного воздействия на поведение определённых лиц. Поэтому каждому из них предшествует фактический захват (говоря образно, хватание человека за шиворот, надевание на него наручников и т.п.), то есть некие физические действия, позволяющие превентивно ограничить свободу подлежащего задержанию индивида. Правда, в силу относительной простоты механизмов административной юрисдикции и фактический захват, и формальное задержание предполагаемого правонарушителя, как правило, сливаются в единую процедуру, осуществляемую одним и тем же должностным лицом, например сотрудником полиции, в связи с чем четкая правовая грань между ними не так ощутима. Тогда как усложненные, обременённые более серьезными юридическими гарантиями механизмы досудебного производства, напротив, не предрасположены к интеграции фактического и формального («следственного») задержаний, к их соединению в общую правовую конструкцию и нахождению в ведении одного и того же субъекта. Но подобные различия вовсе не исключают необходимости проведения фактических захватов предположительно подлежащих юридической ответственности лиц и в том, и в другом случаях.

К тому же проводимые «на месте» фактические захваты вообще еще не предполагают уголовного либо административного преследований как основных индикаторов уголовно-процессуальных или административно-процессуальных правоотношений. А в целом ряде случаев сотрудники, замещающие должности рядового, младшего, а иногда и среднего начальствующего состава правоохранительных органов, вообще не отдают и в силу должностного положения не должны отдавать (!) себе отчет в именно преступном либо административно-деликтном характере действий задержанных, поскольку просто не располагают и не должны располагать (!) столь глубокими юридическими познаниями. Тем более они не уполномочены юридически оценивать совершенные такими лицами деяния. Их основная задача – не подменить собой субъектов уголовной или админи-

стративной юрисдикции, не определять потенциально подлежащие применению статьи уголовного закона или КоАП РФ, а всего лишь прелиминарно, как бы «на глаз» распознавать вероятную причастность к совершению каких-то запрещенных законом проступков (по крайней мере, некую антисоциальность деяний) попадающих в поле их зрения людей, в связи с чем действовать по принципу «держи вора!», то есть превентивно пресекать возможности скрыться, продолжать противоправное поведение, уходить от ответственности и т.д., после чего принудительно доставлять таких лиц в «отдел» для разбирательства. В частности, выдвигаемое подобными сотрудниками «полицейское», в определённом смысле даже бытовое, подозрение (как бы «подозрение на месте») еще не является подозрением уголовно-процессуальным, то есть начальным этапом конкретизированного уголовного преследования (in personam), предусмотренный ст. 46 УПК РФ юридический статус подозреваемого.

По всей вероятности, именно поэтому разработчики проекта УПК РФ так и не решились на полноценное включение фактического захвата в сферу уголовно-процессуального регулирования, а лишь ограничились его упоминанием как правовым условием, предопределяющим возникновение полноценных уголовно-процессуальных правоотношений. Фактическое задержание всего лишь превратилось в точку отсчета как общего срока внесудебного ограничения свободы человека, так и времени, установленного для первого допроса подозреваемого; оно же стало расцениваться в качестве условия для надления задержанного подавляющим большинством предоставляемых ему диспозитивных возможностей, в первую очередь связанных с обеспечением права на защиту и получением квалифицированной юридической помощи, а также для информирования близких лиц о месте его нахождения. Другими словами, фактическое задержание, будучи лишь упомянутым в тексте уголовно-процессуального закона, по сути, приобрело значение типичного «внешнего» юридического факта. Оно стало тем самым юридически значимым событием (в данном случае активным действием сотрудников правоохранительных органов), которое, находясь за пределами той или иной сферы отраслевого (в данном случае уголовно-процессуального) регулирования, оказывает прямое влияние на возникновение, изменение либо прекращение входящих в эту сферу правоотношений.

Кстати, фактическое задержание – далеко не единственное событие (действие), подлежащее

отнесению к «внешним» юридическим фактам. В положениях УПК РФ упоминается множество других подобных форм «околопроцессуального», в частности «предпроцессуального», поведения, оказывающих определенное воздействие на вступление в силу соответствующих дозволений, предписаний, запретов. Например, таковыми следует признать выносимые в установленном законодательством о прокуратуре порядке постановления о направлении материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ); таковыми же являются сформированные в ходе административной деятельности налоговых органов материалы, предопределяющие обязанность установления наличия либо отсутствия признаков налогового преступления (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ) и т.д.

На основании всего изложенного напрашивается вывод, что фактическое задержание подозреваемого не предполагает ни уголовно-процессуальной, ни административно-правовой, ни какой бы то ни было еще отраслевой природы. Оно должно являться объектом особого, автономного правового регулирования – предусматриваться предопределенной ст. 22 Конституции РФ совокупностью публично-правовых норм, регламентирующих единые основания и унифицированный порядок физического ограничения должностными лицами правоохранительных органов свободы заподозренного в каком-либо преступном деянии индивида в целях пресечения его противоправного поведения и доставления для дальнейшего разбирательства к дознавателю или следователю. Да и вообще к подобной, как бы межотраслевой сфере правового регулирования по-хорошему надлежит относить не только сам фактический захват, а всю процедуру задержания подозреваемого в целом, включая составление протокола и прочие формальности, в настоящее время находящиеся в компетенции субъектов уголовной юрисдикции (органа дознания, дознавателя, следователя). Ведь, как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, невзирая на существующие в течение нескольких десятков лет правотворческие тенденции, направленные на постепенную процессуализацию процедуры задержания подозреваемого, на ее инкрементальное превращение в одну из форм реализации уголовно-процессуальных полномочий, вся эта процедура (от фактического захвата лица до его заключения под стражу / домашнего ареста либо освобождения), по своей сути, продолжает оставаться превентивной мерой полицейского характера, позволяющей безотлагательно, прямо «на месте» ограничивать свободу попавшего

в зону внимания правоохранительных органов лица и удерживать его под контролем вплоть до решения вопроса о применении к нему требуемой меры пресечения – именно на основе подобного представления о задержании как о современном воплощении архаичного института «in flagranti» (действия полиции при обнаружении преступления с поличным) и формировалось законодательство подавляющего большинства государств, в том числе соответствующие положения Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и первых Уголовно-процессуальных кодексов РСФСР 1922 и 1923 г. [23, с. 14].

И в этой связи в настоящее время существует объективная потребность в разработке и принятии самостоятельного федерального закона «О задержании», адресованного не столько субъектам уголовной юрисдикции, сколько полиции и другим правоохранительным органам полицейского, квазиполицейского и параполицейского типов, который бы определил основания, условия и четкий правовой механизм внесудебного ограничения свободы человека в соответствии с конституционно-правовыми стандартами и ценностями российского общества. Представляется, что именно такой нормативный подход позволит разрешить многие проблемы, уже не первый год стоящие перед правовой доктриной и правоприменительной практикой в части превентивного задержания лиц по подозрению в совершении преступлений.

Примечание

1. Одно из последних крупных научно-представительских мероприятий, посвященных проблемам задержания подозреваемого в целом и фактического задержания в частности, было организовано кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева и проведено в Самаре 26 сентября 2018 г. В мероприятии приняли очное участие профессор Л.В. Головкин (МГУ им. М.В. Ломоносова), В.А. Лазарева (Самарский НИУ им. академика С.П. Королева), А.А. Тарасов (Башкирский государственный университет), С.И. Вершинина (Тольятинский государственный университет), автор настоящей статьи, работавший в то время профессором кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), другие известные специалисты. А формальным поводом для проведения мероприятия послужила научная дискуссия «Тарасов VS Россинский», разгоревшаяся несколькими месяцами ранее между автором настоящей статьи и профессором А.А. Тарасовым о сущности задержания лица по подозрению в совершении преступления в контексте идей незадолго до этого ушедшего из жизни основателя и многолетнего лидера Самарской уголовно-процессуальной школы профессора С.А. Шейфера (1924–2017).

Список литературы

1. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021. 408 с.
2. Россинский С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 58–65.
3. Гриненко А.В. Задержание в состязательном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 51–56.
4. Химичева О.В., Шаров Д.В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 56–61.
5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. А.В. Смирнова. 3-е изд. М.: КНОРУС, 2007. 704 с.
6. Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М.: Экзамен, 2005. 318 с.
7. Цоколова О.И. Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3. С. 25–28.
8. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 67–79.
9. Мирский Д.Я. Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Труды Иркутского университета. Т. 49. Вып. 8. Ч. 4. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1969. С. 294–301.
10. Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилов А.А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М.: Академия МВД СССР, 1975. 93 с.
11. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфор, 1999. 541 с.
12. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Изд-во Московского университета, 1956. 271 с.
13. Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск: Изд-во Белорусского университета, 1974. 143 с.
14. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1975. 176 с.
15. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания: Учебное пособие. М.: Академия МВД СССР, 1980. 89 с.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен XXI, 2002. 864 с.
17. Соловей Ю.П. Совершенствование ведомственного нормативно-правового регулирования деятельности милиции // Совершенствование деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка и общественной безопасности. М.: Академия МВД СССР, 1991. С. 30–38.
18. Бекетов О.И. Меры непосредственного принуждения, применяемые должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации. Омск: Омская академия МВД России, 2004. 84 с.
19. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М.: Формула права, 2007. 484 с.
20. Россинский С.Б. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5. С. 6–24.
21. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального судопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–135.
22. Яшин В.Н. О некоторых проблемах института задержания подозреваемого в отечественном уголовном процессе // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Юриспруденция. 2016. № 7. С. 40–49.
23. Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 9–16.

**ACTUAL DETENTION ON SUSPECTION OF COMMITTING A CRIME:
CRIMINAL PROCEDURE ACTION, A MEASURE OF ADMINISTRATIVE COERCION OR...?**

S.B. Rossinsky

The scope of legal regulation is considered, which covers the actual detention of a suspect, that is, a preliminary compulsory action that allows for the possibility of further criminal prosecution of a person who has come to the attention of law enforcement agencies.

The conclusion is substantiated that actual detention is neither a criminal procedural, nor an administrative-legal, nor any other sectoral measure. Such detention must be the object of autonomous public legal regulation and provided for by a separate federal law.

Keywords: detention of a suspect; measures of administrative coercion, measures of criminal procedural coercion; suspect; law enforcement mechanism; actual detention.

References

1. Rossinsky S.B. Pretrial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. M.: Norm, 2021. 408 p.
2. Rossinsky S.B. The Russian system of pretrial proceedings as a synthesis of various types of criminal proceedings // State and law. 2023. № 4. P. 58–65.
3. Grinenko A.V. Detention in adversarial criminal proceedings // Library of criminalist. Scientific journal. 2015. № 6 (23). P. 51–56.
4. Khimicheva O.V., Sharov D.V. Some aspects of ensuring the rights of a person when detained on suspicion of committing a crime // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 5. P. 56–61.
5. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal procedure: Textbook / Edited by A.V. Smirnov. 3rd ed. M.: KNORUS, 2007. 704 p.

6. Zaitsev O.A., Smirnov P.A. Suspect in criminal proceedings. M.: Exam, 2005. 318 p.
7. Tsokolova O.I. Actual detention // Legality. 2006. № 3. P. 25–28.
8. Rossinsky S.B. Criminal procedural form: essence, problems, trends and prospects of development // Current problems of Russian law. 2020. Vol. 15. № 9. P. 67–79.
9. Mirsky D.Ya. The legal nature of the detention of a person suspected of committing a crime // Proceedings of Irkutsk University. Vol. 49. Issue 8. Part 4. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk University, 1969. P. 294–301.
10. Berezin M.N., Gutkin I.M., Chuvilev A.A. Detention in Soviet criminal proceedings. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1975. 93 p.
11. Grigoriev V.N. Detention of a suspect. Moscow: Yurinform, 1999. 541 p.
12. Polyansky N.N. Questions of the theory of the Soviet criminal process. M.: Publishing House of the Moscow University, 1956. 271 p.
13. Shpilev V.N. The content and forms of criminal proceedings. Minsk: Publishing House of the Belarusian University, 1974. 143 p.
14. Bozhev V.P. Criminal procedural legal relations. M.: Yurid. lit., 1975. 176 p.
15. Gutkin I.M. Topical issues of criminal procedural detention: Textbook. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. 89 p.
16. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / Edited by V.V. Mozyakov. M.: Exam XXI, 2002. 864 p.
17. Solovey Yu.P. Improvement of the legal regulation of the activities of the police // Improving the activities of internal affairs bodies for the protection of public order and public safety. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1991. P. 30–38.
18. Beketov O.I. Measures of direct need applied by officials of law enforcement agencies of the Russian Federation. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 84 p.
19. Tikhomirov Yu.A. Management based on law. M.: Formula of law, 2007. 484 p.
20. Rossinsky B.V. Reflections on state management and administrative responsibility // Administrative law and process. 2016. № 5. P. 6–24.
21. Rossinsky S.B. Criminal procedural form VS rules of criminal procedural proceedings // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. Vol. 18. № 1. P. 116–135.
22. Yashin V.N. On some problems of the institution of detention of a suspect in the domestic criminal process // Bulletin of the Educational Consortium «Central Russian University». Jurisprudence. 2016. № 7. P. 40–49.
23. Rossinsky S.B. Goals and grounds for detaining a suspect: what are the reasons for the existing contradictions? // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (52). P. 9–16.